

ная луна освѣщаетъ на самомъ дѣлѣ не божественную Ишальянскую ночь, а брачную ночь въ Дорсепширѣ. Какой классическій вкусъ могъ бы еще остаться въ нерѣшимости, и не предпочель бы послѣднюю первой?

П. Манасейнъ.

II.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО.

О пользѣ мертвыхъ для живыхъ (*).

Люди всѣ хотятъ жить сколько можно долѣе; всѣ почишаютъ здоровье дороже золота. Въ самомъ дѣлѣ, долговѣчное существованіе и крѣпкое сложеніе, свободное отъ недуговъ, коимъ обыкновенно подвергается плѣмя наше, — суть безпреко-

(*) Посвящаю переводъ сей статьи Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медику, Доктору Медицины и Хирургіи, Статскому Совѣтнику и Кавалеру Николаю Федоровичу Арендшу, въ знакъ душевнаго моего почтенія и неизгладимой благодарности.

Иванъ Бутовскій.

словно и несравненно важнѣе всѣхъ благъ земныхъ; ибо ими нельзя наслаждаться безъ жизни и здоровья. Успѣхи Искусства, имѣющаго цѣлю сохраненіе сихъ послѣднихъ, весьма значительны для всего человеческого рода. Хорошій врачъ и искусный хирургъ оказываютъ ежедневно болѣе добра своимъ ближнимъ, нежели всѣ прочія званія людей. Напрощивъ, хирурги и врачи, непонимающіе своего дѣла, суть опаснѣйшіе враги общества. Самая чума менѣе пагубна: ея опустошенія бывають временны, и страшные признаки возвращають о ея присутствіи и опасностяхъ; но зло, причиняемое нѣкоторыми практиками, скрыто и безконечно: въ то самое время, когда смощаютъ на нихъ, какъ на избавителей и съ полною надеждою, они усиливають болѣзнь или наносятъ послѣдній ударъ.

Нельзя не пожалѣть, что мы имѣемъ вообще столько мало понятій объ Искусствѣ Врачеванія. Показаніе опривленій (*functio*) животной экономіи (*économie animale*); важнѣйшія и самыя обыкновенныя онаго поврежденія, средства къ поправленію ея и образъ ихъ дѣйствія — должны существовали бы составивъ необходимую часть всякаго свободнаго воспитанія. Незнаніе того ра-

ждаеть большія неудобства: почти никто не понимает ни искусства, ни способностей человека, коему вверяють свою жизнь. Незнание сие столь велико, что даже опрасть Врачебнаго Искусства, служащая основаніемъ всѣмъ прочимъ, оспраешся неизвѣсною въ ея полезныхъ дѣйствіяхъ. Сія опрасть естъ *Анатомія*. Мы постараемся объяснить здѣсь всю важность ея, и укажемъ препятствія, заграждающія успѣхи оной. Ни одинъ предметъ не можетъ занимать чиншелей нашихъ такъ близко и съ такою силою, а потому надѣемся, что они вслушаютъ насъ съ духомъ покойнымъ и свободнымъ опъ всякихъ предубѣжденій.

Не зная Анатоміи, невозможно приобрести основательныхъ познаній ни въ Искусствѣ врачеванія внутреннихъ болѣзней — *Терапіи*, ни въ *Хирургіи*. Дѣло въ томъ, что болѣзнь, копорую, при помощи сихъ двухъ Искусствъ, вознамѣрились бы излечить или остановить, происходитъ опъ поврежденія естественныхъ опправлений. Но кто достигнетъ таковую порчу, не понимая, какимъ образомъ дѣйствуютъ опправления сии въ здоровомъ состояніи; а потому необходимо имѣть

предварительныя свѣдѣнія объ устройствѣ органовъ.

Органы всѣхъ важнѣйшихъ опправлений человеческого тѣла опъ глазъ нашихъ сокрыты. Для узнанія положенія и связи ихъ, а еще болѣе ихъ свойства и дѣйствій, нѣтъ другаго средства, какъ рассмотреть внутренность сей машины, столь замательной и столь многосложной. Дѣйствія тѣла очевидны; но самый составъ закрытъ, и, для уразумѣнія онаго, пребываетъ великая опышность. Дѣйствія *животной экономіи* облечены непроницаемою завѣсою, и нельзя видѣть оныхъ иначе какъ съ великими усиліями. Свѣдѣнія въ Анатоміи, конечно, были приобретаемы мало по малу разсмаприваніемъ раненыхъ и погибшихъ насильственной смертію, наблюденіями охотника надъ добычею и жреца надъ жертвами, разсѣченіемъ живописныхъ и нерѣдко даже разьященіемъ человеческого тѣла; но въ теченіе многихъ вѣковъ не было ни малѣйшаго понятія объ опправленіяхъ кровеносныхъ сосудовъ, какковы суть: біющіяся и крововозвратныя жилы. Не прежде, какъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, когда принялись за Анатомію съ жаромъ, опкрыли *заслонки* (*valvulae*) въ сердцѣ и крововозвратныхъ жи-

лахъ (венае), а нѣсколько позже великій *Гарвей*, воспитанникъ Анапомика, открывшаго оныя заслоночки, первый наблюдениемъ ихъ устройсва и долгимъ размышленіемъ о дѣйствіи оныхъ, получилъ догадку о кровообращеніи, что и доказалъ въ послѣдствіи. Многія системы сосудовъ, совершающихъ важнѣйшія жизненные опправленія, и между прочимъ система *осасывающая* (*systema absorbens*), равно какъ и грудной протокъ, которій принимаетъ пищу по ея свареніи и вводитъ ее въ кровь, невидимы для простаго глаза, исключая нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ. Такимъ образомъ, недовольно вскрывашъ человеческое тѣло для того только, чтобы узнать устройство его органовъ; надобно производить прупоразыяніе со вниманіемъ и величайшею тщательностію.

Важная болѣзнь имѣетъ свой корень обыкновенно во внутреннихъ органахъ тѣла, и такъ необходимо знать точное ихъ положеніе, чтобы опредѣлить, гдѣ поселилось зло; но мы сказали выше, что положеніе сіе можешь быть постигаемо только знающими Анапомію. Органы, наиболѣе различающіе между собою устройствомъ и опправленіями, находящіяся другъ возлѣ друга. Посему-то въ надбрюшной

частии открываемъ желудокъ, печень, желчный пузырь, пузырь мочевоы, тонкія кишки и часть полстыхъ кишекъ. Всѣ сіи органы не имѣють никакого взаимнаго сходства ни по дѣйствію, ни по устройенію, и подвержены бывають совершенно особеннымъ припадкамъ. Отъ сего происходитъ, что разнообразнѣйшія болѣзни, пребующія совсѣмъ различнаго леченія, могутъ находиться въ одной и той же частии тѣла. Узнавашъ ихъ можно только при помощи Анапоміи.

Часто бываетъ, что недугъ кроется въ большомъ распояніи отъ пораженнаго имъ органа. Въ болѣзняхъ печени, напримеръ, боль вообще отражается въ правую плечѣ. Одна въшь *грудобрюшнопереднаго нерва* (*nervus phenicus*) съ правой стороны идетъ къ печени, а въшь *передняя прешней пары шейныхъ нервовъ* (*nervus cervicalis*), соединяясь съ большимъ *чувственнымъ нервомъ* (*nervus sympathicus*), удѣляетъ плечевому сосставу многія въшочки; вошь пущь сообщенія между плечомъ и печенью. Анапомія указала его и объяснила необыкновенный припадокъ. Практики, необучавшіеся Анапоміи, нерѣдко принимаютъ органическую болѣзнь печени за ревматизмъ въ плечѣ. Они дають время

болѣзни усилились и сдѣлались наконецъ неизлечимою, между тѣмъ, какъ свѣдущій врачъ, при первомъ взглядѣ, узналъ бы ее и легко уничтожилъ. Случалось также, что у больныхъ, по видимому, страдавшихъ печенью, она была совершенно здорова; ибо по смерти ихъ, ясно обнаруживалось, что недугъ скрывался въ мозгу. Равнымъ образомъ часто болѣзнь печени почитаютъ за болѣзнь легкаго, или спрaданіе печени принимаютъ за узловатую чахотку легкихъ.

Конвульсіи составляютъ болѣзнь весьма обыкновенную особенно у дѣшей. Конвульсіи по же, что судороги: следовательно должно лечить оныя средствами противосудорожными. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ люди, непонимающіе Врачебной Науки; такая же теорія у старыхъ врачей и у молодыхъ, кои, такъ сказать, не доучились. Но въ сущности сіи конвульсіи бывають только признакомъ весьма сильной боли мозга. Спасши больного или, по крайней мѣрѣ, облегчши его спрaданіе, нельзя иначе, какъ скорымъ и рѣшительнымъ употребленіемъ средствъ, исцѣляющихъ мозгъ; однако слѣпой практикѣ, обманувшись въ признакахъ, даетъ противосудорожныя средства, и не поль-

ко теряешь драгоценное время, но раздуваешь огонь, палящій больного.

Въ сихъ различныхъ случаяхъ, безъ предварительныхъ познаній въ Анапоміи, прудно избѣгнувъ заблужденій. Она одна можешь отвратить погрѣшность или ее исправить, если ошибка уже сдѣлана.

Опыты, недоспашочные для открытія ошибокъ, еще болѣе ихъ утверждаютъ. Они никогда не доставяшь пособія несвѣдущему и безразсудному практику; къ Врачебному Искусству особенно примѣнить можно справедливость сей поговорки: *опытность полезна въ людяхъ умныхъ*. Человѣкъ, незнающій правилъ и неспособный къ размышленію, можешь имѣть передъ глазами, въ печеніе какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ, самые убѣдительные случаи, не извлекая изъ нихъ ни одного основательнаго заключенія. Весьма часто видимъ, что врачи, наиболѣе дѣлающіе ошибокъ, суть люди старые, или самые долговременные практики. Такимъ образомъ изученіе Медицины, основанное на познаніяхъ Анапоміи, не только необходимо для предупрежденія важныхъ погрѣшностей, но даже открываетъ возможность пользоваться многочисленными и

поучительными опытами большой практики.

Баконъ сказалъ: *знаніе есть сила*. Особенно въ отношеніи къ Хирургу, сіе превосходное выраженіе можешь бышь примѣняемо къ Анатоміи; ибо для него оно есть сила облегчашъ спраданія, спасашъ жизнь и устранишъ недуги, кои безъ сего знанія были бы неизлечимы и пагубны. Дабы лучше убѣдишь чашапеля въ сей истинѣ, мы упомянемъ о двухъ или трехъ главныхъ болѣзняхъ, кои Хирургу случается пользоваться почти ежедневно. *Аневризма*, напримеръ, есть недугъ біющихся жилъ, состоящій въ чрезвычайномъ расширеніи оболочекъ ихъ. Расширеніе сіе происходитъ отъ слабости кровеноснаго сосуда, который, не будучи въ силахъ проптивиться движенію крови, ослабѣваетъ и изъ оболочекъ его соспавляется родъ мѣшка. По мѣрѣ умноженія слабости артеріи, мѣшекъ безпрещанно увеличивается, пока послѣдуетъ разрывъ онаго, и тогда больной умираетъ отъ кровошеченія. Сія ужасная болѣзнь всегда почти оканчивается смертію, если не будетъ сдѣлано пособія; при всемъ томъ до временъ Галена, она была совершенно неизвѣстна. Древніе, полагая, что артеріи суть воздушныя трубы, не имѣли ника-

кого понятія объ аневризмахъ. Если число больныхъ, ежегодно исцѣляемыхъ Хирургами отъ сего недуга, соразмѣрно числу умершихъ отъ онаго до временъ Галена: то нешрудно будетъ исчислишь, сколько сохранено людей, которымъ нынѣ при помощи анатомическихъ познаній, возвращены здоровье и жизнь.

Единственное средство къ излеченію аневризмы состоитъ въ прекращеніи прохожденія крови чрезъ поврежденную часть артеріи. На семъ основана вся операція. Надобно открыть больную артерію и перевязать ее выше мѣста расширения; послѣ чего кровь не можешь уже входить въ мѣшокъ; артерія воспаляется, и бока ея немедленно сплачиваются другъ съ другомъ. Успѣхъ операціи зависитъ отъ совершеннаго соединенія перепонокъ въ сосудѣ и отъ сращенія аневризматическаго мѣшка. Но сего не послѣдуешь, если перевязанная часть артеріи не совсѣмъ здорова. Если она повреждена, что случается очень часто около аневризмы, и если лигапура отпадаетъ сама собою, то открывается сильное кровошеченіе, и больной умираетъ точно такъ, какъ бы его не пользовали. Въ прежнія времена накладывали перевязку на артерію, сколь можно

ближе къ аневризмѣ; аневризмапическій мѣшокъ оспавался тогда опкрытымъ во всю свою длину, и содержащуюся въ ономъ кровь вычищали. Слѣдствиемъ сего было то, что опъ перевязки дѣлалась широкая и глубокая рана, копорую надобно было лечить посредствомъ нагноенія. Не всѣ однако по шѣлосложенію своему могутъ выдержатъ подобную операцію. Пока рана не совершенно залечена, больной находишся въ непрерывной опасности умереть опъ сильнаго кровотеченія.

Способъ производства операціи *Джона Гунтера*, приобрѣвшаго посредствомъ Анапоміи глубокія свѣдѣнія о законахъ живошной экономіи, спасъ жизнь многимъ больнымъ: посему надобно помѣститъ Гунтера въ число благошворителей человѣческаго рода. Сей великій Анапомъ убѣдился наконецъ, что часто одно лишь неправильное соспояніе артеріи мѣшало успѣху обыкновенной операціи. Замѣшивъ, что артерія въ нѣкопоромъ разспояніи опъ аневризмы была не повреждена, онъ расчелъ, что если, оспавя больное мѣсто, перевязать лигашурою здоровую часть артеріи, тогда ничто уже не воспрепятсвуешь успѣшному исцѣленію. Можно бы возразить, что иногда бываетъ необходи-

мо дѣлать перевязку на главномъ спволѣ артеріи выше того мѣста, гдѣ пускаетъ она опъ себя свои вѣтви, и тогда части ниже лигашуры лишатся крови и омершвѣваютъ. Но *соединенія* (anastomosis) артерій въ человѣческомъ шѣлѣ споль безчисленны, что, по мнѣнію Гунтера, къ симъ частямъ доходитъ весьма довольно крови и побочными пуями. Въ аневризмѣ подкольной онъ опкрылъ главный спволъ артеріи, питающей конечность ноги, и сдѣлалъ перевязку около середины бедра, полагая, что хотя членъ можетъ въ такомъ случаѣ лишиться крови, получаемой посредствомъ прямаго канала, однако чрезъ то не будетъ потерянъ. Основательное знаніе дѣйсвій живошнаго устройства подало ему мысль, что распросстраненіе болѣзни пресѣчется, если припеченіе крови въ аневризмапическій мѣшокъ прекращено будетъ; что мѣшокъ самъ собою и все, что въ немъ есть, испощится; что опухоль такимъ образомъ уничтожится, и слѣдшвенно нѣтъ нужды вскрывать его. Превосходный опытъ сей увѣнчанъ былъ успѣхомъ, и удовольствіе Гунтера, по удачномъ исполненіи его предположенія, было конечно сладчайшею наградою за всѣ труды.

Попомъ явился *Абернети*, ученикъ Гукпера: онъ шелъ по слѣдамъ своего учителя, и при аневризмѣ бедренной артеріи наложилъ перевязку на наружную *подвздошную* артерію. Въ послѣдствіи перевязывали внутреннюю подвздошную артерію, и Хирурги налагали лигашуру на столь важныя артеріи, что даже сами удивлялись необыкновеннымъ своимъ успѣхамъ. Больные, которымъ дѣланы были шиковыя операціи, избавлены отъ смерти, совершенно неизбѣжной при иномъ образѣ леченія.

Аневризмы опличаются отъ прочихъ опухолей жилобіеніемъ. Но по мѣрѣ увеличенія аневризмы, жилобіеніе прекращается. Когда близъ главной артеріи образуется нарывъ, то при ощущеніи онаго чувствуется біеніе артеріи. Въ семъ случаѣ трудно опредѣлить настоящее свойство сихъ различныхъ przypadковъ, не имѣя почнаго познанія объ устройствѣ и взаимномъ отношеніи всѣхъ частей, находящихся возлѣ опухоли. Одинъ изъ первыхъ Хирурговъ нашего времени, *Г. Пеллетанъ*, позванъ былъ къ человѣку, который, послѣ продолжительной прогулки, почувствовалъ сильную боль въ ногѣ. Выше больного мѣста была опухоль біющаяся шакъ сильно, что оппалкивала

руку наблюдателя; по всему можно бы, казалось, принять опухоль за аневризму. Однако, сей искусный Хирургъ, сравнивая больную часть съ здоровою, замѣшилъ, что и въ сей ощущалось совершенно подобное волненіе. При новомъ освидѣшлованіи, онъ открылъ, что, по особенному сложенію сего человѣка, одна изъ главныхъ артерій ноги (1) имѣла необыкновенное направленіе, и вмѣсто того, чтобы проходить въ глубинѣ мышцъ, она проходила между кожею и мышечнымъ влагалищемъ (*fascia*). Наконецъ оказалось, что сей человѣкъ оборвалъ на ходу нѣсколько мышечныхъ волоконъ, и чрезвычайное полнокровіе артерій было причиною упомянутыхъ нами, необыкновенныхъ явленій. Одинъ только Анапомъ могъ угадать, не смотря на сіи обманчивые признаки, настоящее свойство болѣзни.

Сей же Хирургъ лечилъ одного человека, который два раза падалъ съ лошади, и спрадалъ нѣсколько лѣтъ ломомъ въ спинѣ, а потомъ началъ чувствовать жестокую боль въ животѣ. Въ то же время показалась на правомъ боку опухоль оваль-

(1) *L'artère tibial antérieure, передняя большеберцовая артерія.*

наго вида. Въ оной ощущалось колебаніе жидкости и прочіе признаки нагноенія, причиняемаго порчею позвонковъ. Главная боль чувствуема была въ нижней части спиннаго позвонка, копорый ошъ сего покривился вовсе; это вело къ заключенію, что болѣзнь состоишь въ нарывѣ на поясницѣ. Но Хирургъ, зная, что зашарѣлая аневризма можетъ заразить и ближайшія кости, не сомнѣвался, что сей мнимый нарывъ состоялъ изъ аневризматиической опухоли, и предсказалъ смерть больнаго. При вскрытіи шѣла, ибо онъ умеръ чрезъ десять дней, убѣдились наконецъ, что аневризма занимала почти всю пупочную брюшную полость. Если бы лечили его ошъ нарыва на поясницѣ, и вскрыли бы опухоль, тогда больной умеръ бы въ нѣсколько секундъ.

Нѣшъ ни одного Хирурга, копорый, при всей проницательности, въ продолженіе практики своей, не впалъ бы въ погрѣшность при подобныхъ случаяхъ. Слѣдствія ошибки бываюшъ почти всегда гибельны. Ришеранъ рассказываетъ, что Ферранъ, главный Хирургъ больницы Hotel-Dieu, принявъ опухоль подъ мышкою за нарывъ, *бистуреемъ* вскрылъ оную, и умершвилъ больнаго. Генъ (Наеп) упоминаешъ о

человѣкѣ, копорый имѣлъ подобную опухоль на кольнѣ, и умеръ, когда сдѣлали вскрытіе оной, вопреки мнѣнію Бургава. — Съ Везаніемъ совѣшовались касательно опухоли на спинѣ, и онъ объявилъ, что это была аневризма: но несвѣдушій практикъ вскрылъ опухоль: больной истекъ кровью и умеръ. Трудно оплчить аневризму *сонной артеріи* (*arteria carotis*) ошъ опухоли въ клѣшчатой плевѣ и нарывовъ различнаго свойства; но если Хирургъ ошибкою вскрыешъ сонную артерію, въ такомъ случаѣ больной неминуемо въ нѣсколько минутъ лишится жизни.

Ничего нѣшъ важнѣе въ Искусствѣ Хирургическомъ, какъ пользоваться ошъ кровопеченія. Надобно видѣшъ человѣка, у копорого льепся кровь ручьями, чтобы имѣшъ понятіе объ ужасѣ и смяшеніи окружающихъ его, затрудняющихся почти всегда въ способахъ остановишъ оную; однако же ешъ самое вѣрное средство, коего нельзя пренебречь безъ дурныхъ послѣдствій!

Что можетъ бышъ ужаснѣе положенія Хирурга, незнающаго, какъ поступишъ въ подобномъ случаѣ: онъ теряешся, колеблешся, и между шѣмъ, какъ изыскиваешъ приличныя мѣры, больной умираешъ.

Древніе Хирурги находились поспоянно въ такомъ положеніи, и ужась, внушаемый имъ сильнымъ кровотеченіемъ, замедляль, можешъ бышь, успѣхи ихъ искусства болѣе, нежели всѣ другія причины. Не только не отваживались они лечить какіе-либо жестокіе и разрушительные припадки, хотя въ послѣдствіи опытъ показываль, что многіе изъ такихъ могли бышь пользуемы безъ всякой опасности и труда, но они спрашились даже вскрывать легчайшія опухоли. Они производили операцію посредствомъ однѣхъ перевязокъ и раскаленнаго желѣза, и опнюдь не употребляли ножа, исключая тѣ случаи, когда членъ зараженъ былъ антоновымъ огнемъ и помершвѣлыя часпицы опдѣлялись опъ здоровыхъ: ничто не могло убѣдить ихъ рѣзашъ на живомъ шѣлѣ. Чшобы ошановишь сильное кровотеченіе, они употребляли вяжущія лекаршва, масло, смолу и горячій скипидаръ, средства безпользныя и жестокія. Нынѣ же Хирургамъ извѣсно, что для лучшаго въ томъ успѣха, досшашочно перевязашъ кровоночашій сосудъ. Сшдишь наложишь только компрессъ на шволѣ артеріи: тогда, хотя бы кровь лилась изъ всѣхъ ея вѣшвей, печеніе оной будетъ прекращено. Если поло-

женіе артеріи позволяешъ перевязашъ ее снаружи, этого довольно; но когда сосудъ расположенъ такимъ образомъ, что сжашъ его извнѣ не возможно, въ такомъ случаѣ дѣлаюшь разрѣзь и ошанавливаюшь кровотеченіе наложеніемъ лигашуры. Надобно извинишь Амвросія Паре, полагавшаго, что таковой образъ леченія введенъ по внушенію свѣще: благодаря сей простой и вѣрной методѣ, можно дѣлашь съ совершенною безопасностію самыя важныя операціи и удерживашъ сильнѣйшее кровотеченіе. Даже, если бы кровь лилась въ такомъ множествѣ, что смерть казалась бы неизбѣжною, шо для ошановленія оной, довольно приложишь палець къ разрѣзанному сосуду, пока его перевязушь. Очевидно однако, что сіи средства могушь бышь употребляемы только шѣми, кои, обучаясь Анапоміи, узнали направление шволевъ и вѣшвей кровоносныхъ сосудовъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

дл. Вотъ что для меня совсѣмъ непо-
яснимо.“

Я вошелъ съ моими вожатыми въ гаи-
лерею, наполненную мѣщанами, которые
однакожь разступились и пропустили ме-
ня съ поварихою. Мы заняли такое мѣ-
сто, съ котораго могли свободно видѣть
все, что происходило внизу. Королевская
гвардія, превосходное войско, въ овѣши-
голубыхъ мундирахъ и спальныхъ лапкахъ,
было вышнута въ линію по обѣимъ сто-
ронамъ пространный залы; отлично вы-
полированные бердыши сихъ воиновъ яр-
ко сіяли на верху длинныхъ, черныхъ сво-
ихъ рашовищъ.

(Окончаніе въпрод.)

II.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО.

О пользѣ мертвыхъ для живыхъ.

(Продолженіе.)

Нынѣ изъ двадцати чловѣкъ, коимъ
опсѣкаюшь члены, не умираешъ ни одинъ,
включая даже и подвергшихся операциі въ
больницахъ. Но оставивъ сихъ послѣднихъ,
разсчли уже, что на снѣ чловѣкъ, выт-

державшихъ операциі въ частныхъ домахъ,
не умерло и пяти, если операциі были
члены во время и надлежащимъ образомъ.
Вотъ, по истинѣ разительное доказатель-
ство величайшей пользы анатомическихъ
свѣдѣній!

Нынѣ, можетъ быть, ни одной болѣз-
ни, для которой таковыя знанія были бы
сполько необходимы, какъ для леченія
грыжи. Въ этомъ недугѣ внушрѣнности
брюшныя, выходя наружу, сопавляюшь съ
брюшиною (peritonem) подобіе мышка. По-
лагаюшь, что по крайней мѣрѣ шеснадца-
тиа часть людей спрадаешъ оными. При-
падокъ сей часто проходитъ безъ всякой
опасности; но какъ бы ни казался онъ без-
вреденъ, можетъ вдругъ переѣнишься опъ
причинъ весьма незначущихъ, и умеривитъ
болнаго въ нѣсколько часовъ. Болѣзнь сія
открываешся подъ многоразличными вида-
ми, и часто смѣшиваюшь ее съ другими.—
Иногда надобно, не теряя ни минуты,
сдѣлать операцию весьма важную и труд-
ную; иногда же, напротивъ, таковая опе-
раціа не только бесполезна, но даже па-
губна.

Грыжа спановишся опасною, когда
она ущемляешся. Ущемленіемъ же грыжи

(incarceratio) называется (1) вдругъ воспаливавшаяся совершенная неподвижность находящейся въ грыжѣ внутренности, соединенная съ припадками сильнаго раздраженія во всемъ протяжении *ущемленной* части. Ущемленіе производитъ воспаленіе, имѣющее всегда гибельный конецъ, если не прекращаясь онаго немедленно посредствомъ операціи. Два обстоятельство необходимы въ подобномъ случаѣ: первое, вѣрность глаза, дабы точно видѣть, что припадки суть слѣдствіе ущемленія, и второе, убѣдившись въ томъ, сдѣлать операцію искусно и скоро. Для распознаванія *ущемленной* грыжи нужны большой навыкъ и внимательность. Кишка, выпупившая въ грыжевой мѣшокъ, можетъ воспаляться, и тогда кажется ущемленною, но воспаленіе сіе можетъ происходить отъ раздраженія. Хирургъ хорошо долженъ различать сіе прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ операціи. Иногда малѣйшая часть кишки можетъ быть прижата, и операція необходима. Но если грыжа не представляется никакой опухоли, и несвѣдущій Хирургъ почтетъ сіе за воспаленіе

(1) См. 2-ю часть Хирургіи знаменитаго Буша, § 211, стр. 381. Русск. Переводчикъ.

брюшины (peritoneum), по смерти больнаго будешь въ такомъ случаѣ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ошибки Хирурга. Погрѣшности такого рода, къ несчастію, случаются весьма часто. Недавно еще одинъ врачъ призванъ былъ наскоро къ больному, умиравшему, какъ говорили, отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей. По приходѣ, онъ уже не заспалъ въ живыхъ спрадальца: болѣзнь продолжалась только при дня. По вскрытіи шѣла, врачъ поспѣхъ увидѣлъ, что больной умеръ отъ грыжи. Лечившій его практикъ ни мало не заботился узнать настоящее начало болѣзни, и гнусная сія нерадивость была причиною смерти больнаго. Всякій разъ, когда въ брюшинѣ дѣлаются припадки воспаленія, необходимо должно осматривать животь, и жизнь больнаго зависить отъ степени вниманія.

Можно по сему заключить, что для Хирурга недосматривать только хорошимъ наблюдателемъ: необходимо также, чтобы онъ былъ смѣлъ и рѣшительнъ. Если онъ замедлитъ хотя одну минуту, прудъ его остается бесполезнымъ: такъ скороспечна сія болѣзнь! Въ вышеприведенномъ случаѣ мы видѣли, что больной умеръ въ при дня; иногда же лишаются жизни

скорѣе, нежели въ двадцать четыре часа. Сирь Асплей Куперъ упоминаеть объ одномъ челоѣкѣ, умершемъ чрезъ восемь часовъ по появленіи грыжи. Случалось, что нѣкошорые умирали въ два часа, и все содержавшееся въ грыжевомъ мѣшкѣ поражено было аншоновымъ огнемъ. Какое знаніе въ Анапоміи, какую вѣрность глаза и скорую рѣшимость надлежитъ имѣть для успѣшнаго пользованія болѣзней сего рода!

Несвѣдущіе однако или неискусные Хирурги бояща приснупать къ дѣлу. Они знаютъ, что такая операція очень шрудна, и потому сколько можно ее оплагаютъ. По испощеніи всякаго рода безполезныхъ средствъ, тайное чувство снайда заспавляеть ихъ наконецъ прибѣгнуть къ единственной дѣйствительной мѣрѣ; но уже поздно. Всѣ просвѣщенные практики согласны, что медленность пагубна. Г. Гей (Peu) въ своихъ *Практическихъ замѣчаніяхъ* говоритъ, что когда онъ началъ упражняться въ своемъ Искусствѣ, то понизалъ операцію послѣднимъ средствомъ. „Подобными оплагательствами, присовокупляеть онъ, лишался я шрехъ больныхъ изъ числа пяши, коимъ дѣлалъ операціи. Приобрѣтши же болѣе опытности, и будучи призыванъ къ больнымъ послѣ двухъ и шрехъ дней, я

предоспавлялъ себѣ не болѣе какъ два часа на размышленіе о дѣйствіяхъ кровопусканія и анбачнаго промывательнаго, и изъ девяти больныхъ шерялъ только по два. Я сдѣлалъ шеперь сію операцію въ шридцать пять разъ, и досадуя, что прежде не приснупалъ къ оной слишкомъ долго, я никогда не имѣлъ уже пошомъ причины жалѣть, что начиналъ ее рано.“

Если грыжа дѣйствительно ущемленная, то должно стараться освободить внутренности отъ ущемленія, и дать имъ положеніе естественное: сіе руководствіе называется вложеніемъ грыжи. — Но ежели сдавливаніе внутренностей будетъ дѣлано въ ненадлежащемъ ихъ направленіи, то легко встрѣнитъ зашрудженіе и даже поврежденіе часшей. Часшо случается, что врачъ, по невѣдѣнію или недокосши, причиняеть въ такомъ случаѣ аншоновъ огонь и даже разрываетъ кишку. Когда нельзя вложить органовъ рукою съ помощію средствъ, коихъ польза доказана уже опытомъ, то должно, не шеряя ни сколько времени, произвести операцію: для успѣха въ ней нужно, чтобы инструментомъ владѣла рука швердая и осторожная. Операція начинается опдѣлкіемъ оболочки, пошомъ снимается кавшчаная

плева, и наконецъ разрѣзывается грыжевой мѣшокъ. Последнее обстоятельство требуетъ чрезвычайной осторожности. По вскрытіи мѣшка, когда больной органъ будетъ въ виду, Хирургъ обязанъ рассмотреть мѣсто *ущемленія* (*étranglement*), и особеннымъ инструментомъ сдѣлать разрѣзъ въ извѣстномъ направленіи. Если разрѣзъ будетъ сдѣланъ неискусно и безъ вниманія, то больной умретъ неминуемо; ибо сіи части пѣла, составляющія грыжу, суть весьма нѣжнаго свойства и въ оныхъ находятся важные сосуды. Но какъ приобрести такую ловкость безъ глубокихъ познаній въ Анапоміи и безъ навыка въ шрупоразытіи? Надобно, чтобы глазъ ознакомился съ оболочками, клѣпчатною плевою, облекающею грыжевой мѣшокъ, и наконецъ съ положеніемъ заключающихся въ грыжевомъ мѣшкѣ разнообразныхъ частей; надобно, чтобы рука дѣйствовала по указанію разсудка, съ твердостью и проворствомъ, свойственнымъ только человеку, знающему свое дѣло и совершенно въ томъ увѣренному. Скажемъ болѣе: по успѣшномъ окончаніи операціи, надобно осмотрѣть съ особенною занимательностью состояніе частей грыжеваго мѣшка. Если оныя срослись между собою и зараже-

ны аншоновымъ огнемъ, то нельзя, не подвергая больного очевидной смерти, вкладывать ихъ въ такомъ видѣ внутрь живота. Напередъ должно уничтожить неестественное сращеніе и опиять зараженныя части.

Если сдѣланныя нами замѣчанія недостаточны, чтобы доказать важность Анапоміи, то для лучшаго въ томъ убѣжденія, стоить только рассмотреть различныя врачебныя теоріи, бывшія одна за другою въ славѣ со временъ древнихъ до насъ живущихъ. Система *Иппократа*, отца Врачебнаго Искусства, вообще сбивчива и непонятна. Онъ объясняетъ все началомъ, которое называетъ *природою*, приписывая ему понятія и любовь къ справедливости, а равно изображая его съ такими качествами, коими оно производитъ всякія дѣйствія въ пѣлахъ животныхъ, даетъ имъ кровь и теплошю, жизнь и чувство. Онъ утверждаетъ, что естество приемлетъ только хорошее и полезное для различныхъ шварей, и отклоняетъ все, что для нихъ неприяно и вредно. Вотъ основаніе такъ называемаго имъ очищенія, сваренія и перелома (*crise*) въ горячкахъ; основаніе, которое онъ сильно поддерживалъ, какъ равно и врачи, ему послѣдовавшіе.

Потомъ, желая объяснить значеніе естества, Иппократъ говоритъ, что оно есть *теплота* — начало безсмертія.

Асклепиадъ, непримиримый соперникъ Иппократа, утверждалъ, что *матерія* (*matière*) не подвержена измѣненію; что всѣ видимыя шѣла соспавлены изъ другихъ гораздо меньшихъ, называемыхъ *атомами* (*corpuscules*); что сіи атомы раздѣлены чрезвычайнымъ множествомъ мелкихъ промежутковъ, или поръ; что самая душа соспавлена изъ атомовъ; что пакъ называемое *естество* (*natura*), есть токмо матерія и движеніе; что Иппократъ самъ не понималъ своихъ словъ, и разсуждалъ о природѣ, какъ о существѣ поняшливомъ, имѣющемъ добродѣтели и разныя качества; что шѣло чедовѣческое, какъ всѣ прочія шѣла, имѣетъ безчисленные промежутки, или поры; что атомы, проходящіе насквозь, не одинакой величины; шѣ изъ нихъ, кои соспавляютъ кровь, суть самыя большіе; соспавляющіе же теплоту и жизненные соки бываютъ самыя малыя. На сихъ странннхъ началахъ основывалась его врачебная теорія. Онъ увѣрялъ, что доколь атомы могутъ проникать чрезъ поры свободно, шѣло оспается въ естественномъ положеніи; что напротивъ, оно

приходитъ въ разстройство, если, по какимъ-либо препятствіямъ, засорены бываютъ скважинки; что сіи затрудненія происходятъ обыкновенно отъ чрезмѣрнаго накопленія атомовъ и отъ движенія оныхъ весьма скорого или слишкомъ медленнаго; что извѣстныя болѣзни рождаются отъ заспоя большихъ атомовъ, соспавляющихъ кровь; что, напротивъ, бредъ, изнеможеніе, водяныя болѣзни, и пр. суть слѣдствія необычайнаго расширенія поръ; что водяная болѣзнь, особенно, происходитъ отъ умноженія въ шѣлѣ мелкихъ скважинъ, посредствомъ коихъ пища превращается въ воду; что раскрытіемъ большихъ поръ въ желудкѣ и брюхѣ причиняется голодъ, а раскрытіемъ малыя жажда; что перемежающіяся лихорадки имѣютъ одинакое начало: что повседневная лихорадка бываетъ отъ задержанія главнѣйшихъ атомовъ; придневная отъ задержанія меньшихъ, а чепыредневная отъ самыхъ малыахъ.

Лекарства *Асклепиадовы* были — движеніе, шреніе и вино. Тѣлодвиженіями, болѣе или менѣе сильными, онъ хотѣлъ освободить поры отъ завала атомовъ, кои пакимъ образомъ причиняли большую часть болѣзней. Онъ утверждалъ пакже, что

лихорадку должно лечить другою лихорадкою; что надобно истощить совершенно силы больных, и для того в два первые дня недуга не давать им спать и не позволять ни пить, ни даже освящать рша водою. Диета *Абернети* будетъ уже невоздержностью в сравненіи съ умеренностію, предписываемою *Асклепиадомъ*. В первые три дня онъ не давалъ никакой пищи, въ четвертый позволялъ нѣсколько; но въ слѣдующіе дни до седмаго, онъ снова предписывалъ самую строгую діету. Онъ утверждалъ однако, что всѣ болѣзни должны бытъ пользуемы *tuto, celeriter et jucunde* (1). Онъ былъ непрекословно послѣдователемъ *ученія вознагражденій*; ибо въ послѣдствіи всегда спарался замѣнить своимъ больнымъ нѣ лишенія, кои предписывалъ имъ въ началѣ. Во всѣхъ горячкахъ и даже въ сумасшествіи онъ заставлялъ пить много вина, чтобы напоить до-пьяна; ибо, говорилъ онъ, сонъ для сумасшедшихъ весьма нуженъ, а вино имѣетъ свойство *усыпительное*. Спрадавшимъ сонливостію, онъ давалъ вино не въ меньшемъ количествѣ, но совершенно по другимъ причинамъ, чтобы вывести больныхъ изъ ихъ

(*) *Осторожно, скоро и легко.*

безчувствія. Не менѣ удивительно также, что онъ, принуждая больныхъ къ сильнымъ движеніямъ, людямъ здоровымъ совѣщовалъ, напрошивъ, наблюдать покой.

Эразистратъ, бывшій великимъ мечтателемъ, копорый и въ практикѣ слѣдовалъ строго теоретическимъ своимъ правиламъ, относился о кровопусканіи, какъ о средствѣ пагубномъ во всѣхъ болѣзняхъ; ибо, говорилъ онъ, мы не видимъ жилы, изъ копорой пускаемъ кровь; можемъ проколотъ ланцетомъ, вмѣсто вены, какую-либо артерію, и не въ состояніи опредѣлить потребное количество изливающейся крови; если выпустимъ оной много, то умершимъ больного, если же мало, то не достигнемъ своей цѣли; сверхъ того вытекающая кровь, по его мнѣнію, уноситъ съ собою и жизненные соки. Не смотря на предубѣжденіе противъ кровопусканія, *Эразистратъ* былъ однако весьма смѣлый практикъ. Напримѣръ, въ опухоляхъ печени, онъ рѣшительно разрѣзывалъ животь и прикладывалъ немедленно къ больному органу лекарства; но, не взирая на отважное обращеніе съ печенью, онъ не рѣшался на прободеніе живота спраждущему водяною болѣзнію; ибо, по мнѣнію его, когда вода выйдетъ, то печень, раз-

драженная и опровергавшая, подобно камню, непосредственно подвергнется давлению окружающих частей, кои водою содержались въ дальнѣйшемъ отъ печени разстояніи. Онъ полагалъ, что сіе давленіе причиняетъ смерть больному.

Галенъ утверждалъ, напротивъ, что тѣло человеческое сложено изъ трехъ началъ: *плотныхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ*. По мнѣнію его, части твердыя составлены изъ одинаковыхъ элементовъ; жидкихъ началъ полагаютъ онъ четыре, куда принадлежатъ: *кровь, слюна, желчь желтая и желчь черная*; воздухообразныя части онъ дѣлитъ на три разряда: *животворныя, плотскія и естественныя*. Духи плотскіе суть тонкіе пары, поднимающіеся изъ крови и выходящіе изъ печени — органа кровопроизводительнаго; духи сіи обращаются къ сердцу, гдѣ, совокупно съ воздухомъ, вдыхаемымъ легкими, они составляютъ другой родъ духовъ, называемыхъ животворными; сіи въ свою очередь превращаются въ мозгъ въ духи плотскіе.

Послѣ Галена и Арабскихъ врачей явился *Парацельсъ*, — глава всѣхъ шарлатановъ, когорый хвалился изобрѣтеніемъ жизненнаго эликсира. Онъ преподавалъ въ Базельскомъ Университетѣ курсъ врачебной

теоріи и практики, начавъ его тѣмъ, что ежегъ въ присутствіи своихъ слушателей творенія Галена и Авиценны. Однажды онъ оказалъ своимъ воспитанникамъ: „Сіи два врача не достойны даже развязать ремень башмака моего; одна моя борода имѣла болѣе опытности, нежели всѣ Академіи въ мірѣ, и волосы на головѣ моей знаютъ гораздо больше, чѣмъ всѣ Писатели вмѣстѣ.“ Особа такой важности должна была, по справедливости, имѣть весьма громкое имя; а поному онъ и называлъ себя: *Philippus Aureolus Theophrastus Paracelsus - Bombastus ab Hohenheim* (Филиппъ - Аврелій - Теофрастъ - Парацельсъ - Бомбастъ фонъ Гогенгеймъ). Парацельсъ былъ Химикъ и, подобно многимъ занимавшимся Химіею, имѣлъ спросъ примѣненія ея къ Врачебному Искусству. По мнѣнію его, жизнь основывается на тѣхъ же началахъ, какъ и его лабораторія; и сѣра, соль и ртуть суть части, составляющія тѣла организованныя. Онъ утверждалъ, что сіи начала сопрягаются между собою посредствомъ химическихъ дѣйствій; что отношенія ихъ были установленныя демономъ *Архелемъ* (1); когорый,

(1) *Архей* значитъ у Алхимиковъ: всеобщій духъ міра, или внутренняя теплоша земли, и пр.

занимая въ животь должность Алхимика; опдѣляя въ пищу вредное отъ ея частей питательныхъ, и вливая нѣкоторый родъ насоя, посредствомъ коего пища дѣлалась способною къ сваренію. Онъ присовокупляя, что сей правитель желудка, сей *spiritus vitae* (духъ жизни), былъ источникъ всѣхъ болѣзней, какъ и главный виновникъ исцѣленія оныхъ; что каждый членъ тѣла имѣлъ свой особый желудокъ; что когда Архей занемогалъ, то распространялась гнилость, и проч.

Предѣлы нашей спашьи не позволяющъ намъ изложить теоріи другихъ Физіологовъ, желавшихъ объяснять все посредствомъ Химіи, и кои были способнѣе надзирать за пивоварнями или диспильными заводами, нежели опправляя должность врача. За неимѣніемъ мѣста, не можемъ также говорить о Физіологахъ - Механикахъ, кои уподобляютъ *жизненное устройство* собранію веревокъ, рычаговъ и блоковъ, связанныхъ съ множествомъ неравныхъ шрувъ, въ которыхъ обращаются разныя жидкости съ болѣею или меньшею быспроною, по мѣрѣ получаемой ими силы. Всѣ сіи системы не имѣютъ ни малѣйшаго основанія и не подкрѣпляются ни-

какими доказательствами; однако не должно еще заключать о нихъ, какъ то нѣкоторые думаютъ, что если онѣ не произвели добра, то по крайней мѣрѣ никакого не причинили и зла. Нѣтъ, можетъ быть, ни одного мнѣнія, которое было бы столь ложно и опасно. Въ Искусствѣ Врачебномъ, какъ въ Философіи и Нравственности, нѣтъ заблужденій безвредныхъ: образъ нашихъ мыслей всегда руководствуетъ нашими поступками, и врачи, подобно прочимъ людямъ, дѣйствуютъ, какъ думаютъ. Сверхъ того, неосновательныя теоріи, овладѣвъ воображеніемъ, замедляли успѣхи наблюденій, слѣдовательно и распространеніе познаній.

Нѣкоторые врачи утверждали, что всѣ болѣзни происходятъ отъ сгущенія мокроты, а потому приписывали разбивающимъ питьямъ великую силу, и особенно чай находили превосходнѣйшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, какимъ только подвержено бываетъ человеческое тѣло. „Чай,“ говоритъ *Бентеку* (Bentecoe), одинъ изъ самыхъ жаркихъ панегирисовъ онаго, и который, по замѣчанію Блюенбаха, заслуживалъ быть на пенсіи у Компаніи Индійской: „чай есть полезнѣйшее или, лучше сказать, единственное лекар-

ство, для испребленія въ крови клейко-
сти, начала всѣхъ болѣзней. Чай укрѣ-
пляетъ память и умственныя способ-
ности. Противъ лихорадки нѣшь дѣй-
ствительнѣе средства, какъ выпить сря-
ду сорокъ или пятьдесятъ чашекъ чаю;
ибо симъ только избавляютъ себя отъ со-
ковъ, опдѣляющихся изъ поджелудочной
желѣзы (du suc pancréatique).“

Другой врачъ, Докторъ Броунъ (Brown),
увѣрялъ, что всѣ болѣзни рождаются отъ
излишества и недоспашка воды, или отъ
воспаленія (phlogistique). Онъ говорилъ, что
ежели вода возымѣетъ сильное дѣйствіе,
жидкости, сдѣлавшись клейкими, произве-
дутъ перемежающуюся лихорадку и ло-
мотные припадки (affections antrhitiques).
Средства его сходны съ его теоріею: въ
лекарства оспрыя и ѣдкія онъ примѣши-
валъ до излишества летучія соли. Онъ да-
валъ ихъ даже въ воспалительныхъ болѣз-
няхъ, и рѣшительно порицалъ кровопуска-
ніе. „Жизнь, говорилъ онъ, есть состоя-
ніе напряженное; это пламень, поддержи-
вающийся токмо возбужденіемъ. Все раз-
дражаетъ его: нѣкоторыя соки слишкомъ
сильно, другіе слабо. Такимъ образомъ,
при пользованіи больныхъ надлежитъ шо
умѣряшь раздражительность, шо увеличи-

вать оную.“ По сей системѣ, продолжи-
тельная горячка есть слѣдствіе чрезмѣр-
ной слабости; слѣдственно должно упо-
треблять самыя возбуждательныя лекар-
ства для спраждущихъ оною. Сухотка
(сплинъ) и параличи должны быть поль-
зуемы такимъ же образомъ. Нельзя не со-
дрогнуться, помысливъ объ опустошені-
яхъ, сдѣланныхъ пракпиками, послѣдовав-
шими такимъ правиламъ! Ученіе Куллена
(Cullen) было не менѣе безразсудно и па-
губно, какъ и Броуново. Сей славный Про-
фессоръ говорилъ, что слабость есть ош-
личительное и даже существенное свой-
ство лихорадки; надлежало болѣе всего
заботиться объ укрѣпленіи силъ, а попо-
му онъ прописывалъ вино и хину (1) въ
чрезмѣрномъ количествѣ, не взирая на са-
мыя жестокія воспаления. Трудно опредѣ-
лить число мертвыхъ, погибшихъ отъ на-
кого леченія.

Скажемъ вкратцѣ: нѣшь ни одной
Науки (2), въ кошорой ложное мнѣніе бы-
ло бы опаснѣе, а истина полезнѣе, какъ

(1) *Quinquina*, лихорадочная корка, или хинина
Перуанская.

(2) Вѣроятно, Г. Сочинитель разумѣлъ здѣсь одну
Естественныя Науки.

во Врачебномъ Искусствѣ. Истина искреняешь болѣзни, длишь жизнь и облегчаешь спраданіе тѣхъ, коихъ она не можешь излечить. Ложное мнѣніе, напрошивъ, бываешь испочникомъ неизбѣжной гибели. Каждая неправильная теорія и всякій врачебный предразсудокъ обрекаетъ на жершву многія пысячи людей. Принятая въ какой-либо странѣ система врачеванія имѣешь болѣе вліянія на жизнь мѣспныхъ обиташелей, нежели производимыя климатомъ оной повальныя болѣзни, или наклонность ея Правительсшва къ миру и войнѣ. Вредное дѣйствіе системы Броуновой несравненно превосходитъ опустошенія желшой лихорадки, и на полѣ Ватперлоскаго сраженія, едва ли пала десятая доля жершвъ въ сравненіи съ тѣмъ, сколько похитила оныхъ Кулленова теорія слабости. Основательное познаніе въ Анастоміи и Физиологіи должно наконецъ оградишь насъ отъ возобновленія сихъ шлешворныхъ заблужденій.

(Окончаніе впрядь).

III.

ДРЕВНОСТИ.

Помпея.

(Соч. Шамполліона м.л.)

(Окончаніе.)

Кромѣ живописнаго достоинства, спѣныя изображенія въ Помпеѣ имѣють еще особую важность, копорую можно вполне оцѣнить только на самомъ мѣстѣ. Посредствомъ сихъ картинъ, предметовъ, какія онѣ представляють и самага мѣста, гдѣ онѣ находятся, намъ безпрепятственно можно проникать во многія таинсшва древности, и, такъ сказать, подслушивать Древнихъ въ ихъ домашнемъ быту. Здѣсь дѣйствительно можно преслѣдовать, шагъ за шагомъ, образъ ихъ жизни, добираешься до малѣйшихъ подробностей въ ихъ занятіяхъ, даже до самыхъ шайнъ ихъ, начиная отъ порога дверей, гдѣ встрѣчалъ посѣшителя привѣтливый поклонъ, до опдаленнѣйшей части женскихъ покоевъ, не доступной нѣкогда для самыхъ друзей; отъ Атріума, въ кошоромъ начинался день,

жественнымъ звукамъ серебряной трубы; и хотя уже сорокъ лѣтъ пронеслись съ того дня надъ моею головою, но сильные и величественные звуки голоса сего державнаго пѣвца и понинѣ еще опзываются въ моей памяти.

Благоговѣйныя чувствованія распространились по всей залѣ и по галлерей, и всѣ, кои могли пѣть, съ умиленіемъ воспѣли священный гимнъ: даже старый мой Саксонецъ, у котораго голосъ былъ грубъ и непріятенъ, вынулъ изъ кармана книжку духовныхъ стиховъ и очки свои въ мѣдной оправѣ. Пѣлъ онъ дрожащимъ голосомъ и нескладно, но, по моему мнѣнію, бездарность его къ музыкѣ въ полной мѣрѣ искупалась слезами, копорыя обильно лились по впалымъ его щекамъ.

Такъ-то сіе ужасное воинское позорище превратилось, какъ бы чудомъ, въ празднество духовное, копорое безъ сомнѣнія было угодно Всевышнему. Сіе счастливое окончаніе, котораго я никакъ не чаялъ, превосходно изображаетъ духъ сего благочестиваго и храбраго воинства, копорое Густавъ осыпалъ великою своею душею.

(Изъ *Blackwood's Magazine*).

II.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО.

О пользѣ мертвыхъ для живыхъ.

(Продолженіе.)

Къ несчастію, во всѣ времена и у многихъ народовъ проповоспавлялись успѣхамъ сихъ Наукъ великія препятствія. Главнѣйшимъ изъ оныхъ, безъ сомнѣнія, было чувство, свойственное сердцу чело-вѣка. Видь особъ, нами любимыхъ, пробуждаешь въ памяти нашей сладчайшія впечатлѣнія. Съ ихъ шѣлесными чертами были мы корорко знакомы, и не можемъ взирать на нихъ безъ умиленія. Все, принадлежавшее имъ, единственно по сему получаешь въ глазахъ нашихъ особенную цѣну: кольцо, часы, книги, жилище. Не думайте однако, что достоинство такихъ предметовъ есть мнимое! Они производятъ сильное вліяніе на умъ нашъ; рождаютъ въ насъ пріятныя или грусныя мысли; успокоиваютъ насъ или тревожатъ, а нерѣдко возвышаютъ наши чувствованія, подспрекая къ подражанію добродѣтелямъ шѣхъ, коимъ шѣ вещи при-

надлежали; словомъ: они имѣють нѣчто общее съ собственностію, почишаемою Индѣйцемъ въ останкахъ сраженнаго имъ воина, долженствующаго ему передать мужество сопосама. Напрасно говорять, что когда болѣзнь совершенно истощитъ силы, и смерть овладѣетъ своею добычею, то будто шло человека, залогъ пріятныхъ воспоминаній — есть уже вещество ничтожное; что умный взглядъ не озаритъ болѣе лица нашего друга, и голосъ его не перельетъ въ насъ чувствованій его нѣжности. Сія черта, на кои мы сможемъ, суть его образъ, и за нѣсколько предъ симъ часовъ онъ оживлялъ сіе шло, нынѣ неподвижное. Мы приближаемся къ нему съ благоговѣніемъ, ибо въ немъ заключается все, что смерть оставила отъ любимаго нашего, и когда предадимъ его землѣ, самое мѣсто, гдѣ онъ покоится, намъ дорого и нѣкоторымъ образомъ даже священо.

Сія чувства одинаковы у всѣхъ народовъ, у дикихъ и у самыхъ образованныхъ. Многія общества находили даже выгоднымъ подкрѣплять оныя, полагая, что кшо воздаешь глубокое почтеніе мертвымъ, шощь сугубое оказываешь вниманіе къ живымъ, и что подходящій равнодушно къ

гробницамъ своихъ ближнихъ, съ опвращеніемъ взираетъ на все прошивоборствующее ихъ бытію. Въра шакже и весьма сильно спосѣшествовала къ ушверженію и распроспраненію шакowychъ впечатлѣній. Мы не намѣрены подавлять оныя, но хопимъ подвергнушь ихъ нѣкопору разсмощрѣнію. Какъ бы ни были оныя основательны и ешествовены, мы желаемъ шолько, чшобы они ушупали причинамъ важнѣйшимъ, когда онѣ предшавяшся, и чшобы пишаемое нами уваженіе къ мертвымъ не преняшествовало намъ употреблять все, что отъ насъ зависитъ, къ облегченію спраданія живыхъ.

Въ древнія времена голосъ разсудка былъ менѣе вияшенъ. Нельзя было ни уклониться отъ суевѣрія, ни прошивиться ему и обычаямъ его. Трупоразышіе почишлось шогда ужаснымъ. Въ знойныхъ спранахъ Воспока оно даже сопряжено съ опасностію; а къ шому невозможно было согласишь его съ поняшіями и обыкновениями шѣхъ вѣковъ. Церковныя законы Іудеевъ были у нихъ непреоборимою препоною ко введенію Анашоміи. Египціане смощрѣли бы съ ужасомъ на шого, кшо бы вскрылъ мертвое шло. Греческіе Философы ослабили однако до нѣкопорои степени

тяжестъ сего предрасудка. Первое прупоразъянїе, о коемъ говорено было, совершилъ Демокришь Абдерскій, другъ Иппократа, желавшій опкрышь пуши желчи. Чпо жъ касается до Римлянъ, они ни сколько не содѣйствовали успѣхамъ Анатомїи, и спарались шокмо умоляшь своихъ боговъ, виновниковъ здравїя и недуговъ. Они соорудили на Палапинской горѣ храмъ богинѣ *Фебрисъ* (Febris) и ей поклонялись единшвенно изъ боязни. Равнымъ образомъ они приносили жертвы богинѣ *Оссипагъ* (Ossipaga), наблюдавшей, какъ говорятъ, за роспомъ костей, и другой, называемой *Карна* (Carua), охранявшей внутрешности; сей послѣдней приносили гороховый отваръ и жиръ, какъ самыя пишательныя снѣди. Арабы послѣдовали обычаю Иудеевъ, и прупоразъянїе запрещалось ихъ духовнымъ усшавомъ. Профессоръ Анатомїи Абдулмалифъ, славившійся около 1200 года, никогда не производилъ прупоразъянїя. Желая показашъ человѣческіе члены воспитанникамъ своимъ, онъ водилъ ихъ на кладбище; но, кажешся, онъ еще не понималъ, чпо разсмотрѣнїе недавно умершаго тѣла могло бышь гораздо полезнѣе. Сначала Христїане также сопротивлялись разсѣченїю тѣлъ. Бонифацій VIII запре-

пилъ буллою пригошовленїе скелешовъ. Тогда одни священники были врачами, и сіе право до шого употребили во зло, чпо наконецъ сдѣлалось оно несстерпимо. Церковь сама почувшвовала необходимость воспрешишь имъ занимашъся леченїемъ подъ строгою казнїю; но не прежде, какъ спушя приспа лѣшь послѣ сего запрещенїя, духовные совершенно опказались опъ сего званїя.

Въ чешырнадцатомъ вѣкѣ Профессоръ Болонскій *Мундинъ* (Mundinus), привель въ удивленїе ученый свѣшь, разсѣкши опкрышо два человѣческія тѣла. Въ пишнадцатомъ вѣкѣ *Леонардъ да Винчи* доставиль существенную пользу успѣхамъ Науки обнародованїемъ своихъ анатомическихъ рисунковъ, опдѣланныхъ съ чревычайною правильностью. Въ шешнадцатомъ, Императоръ Карль Пяшый, спрашивалъ у Саламанскихъ Богослововъ, можно ли, безъ грѣха, разсѣкашь человѣческое тѣло, дабы узнать спроенїе онаго. Въ семнадцатомъ *Кортезїй* (Cortesius), другой Профессоръ Болонскій, началъ пишашъ пракшческую Анатомїю, кошорую весьма желалъ кончиль; но, по великимъ запрудненїямъ доставашъ прупы, онъ въ шеченїе двад-

цапи чепырехъ лѣтъ едва могъ получишь два, и по еще долженъ былъ разрѣзывать ихъ съ нѣкошорымъ безпокойствомъ и поспѣшностію. Въ Россіи, изученіе Анаптоміи и употребленіе скелетовъ было запрещено почти до новѣйшихъ временъ (1);

(1) Начало Врачебнаго Искусства въ Россіи шьрется во мракѣ опдаленныхъ вѣковъ. Предки наши, по словамъ Лѣтописцевъ, вели жизнь просую, обращающаяся ежедневно въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ, или въ военныхъ шрудностяхъ, и были сложенія крѣпкаго. Самые Великіе міра сего не знали тогда роскоши. Все, принадлежащее къ удобностямъ жишейскимъ, шапры и постели, поваренная и столовая посуда, излишнія повозки и богатое платье чужды были геройскаго спана воинственнаго Святослава. Открытое поле, говоритъ Преподобный Несторъ, было ему жилищемъ, земля постелею, сѣдло подушкою, мясо убитыхъ на ловлѣ и изжаренныхъ на угольяхъ звѣрей — пищею. Святославъ и воины его не порабощали себя приходамъ, кои роскошь обратила наконецъ въ необходимыя потребности; свободные отъ всѣхъ тѣлесныхъ недуговъ, предки наши рѣдко обращались къ пособію цѣлебнаго зелія: они едва знали болѣзни, и доживали до глубокой старости. Comme ils sont sans ralais, ils sont sans hôpitaux: у нихъ нѣтъ гертоговъ, а потому нѣтъ и госпиталей, сказалъ Вольшеръ о народахъ среднихъ вѣковъ. Такъ было и у насъ. По нѣкошорымъ шемнымъ преданіямъ полагающъ, что первые врачи въ Россіи были Греки. Мудрые ея По-

первое, какъ прошивное челоѡчешву, а другое, какъ опора колдовству. Самъ умный Люшеръ дозволилъ, въ семъ отношеніи, овладѣшь собою споль сильно пред-

велители пересадили цѣшны просѣщенія изъ Констаншинополя на берега Днѣпра и Волхова; но шруды ихъ вскорѣ истреблены были Монголами. *Лѣтопись Несторова* упоминаеть, что еще въ 1076 году (какъ видно изъ Исторіи болѣзни Святослава Ярославича) дѣлали уже *хирургическіе прорѣзы въ желѣзистыхъ опухоляхъ*. Настоящее начало введенія въ Россію Врачебнаго Искусства приписываютъ Переяславскому Архіепископу *Ефрему*, бывшему въ послѣдствіи Митрополитомъ. Сей знаменитый Архипасхыръ, родомъ Грекъ, изъ Мисилены, приказалъ въ 1091 году построить бани и больницы для пользованія безденежно страдающихъ немощами (Исп. Медицины В. Рихшера). Монахи Кіево-Печерскаго монастыря, каковы: Преподобный Антоній, Св. Алимпій, Агапшъ врачъ *безмездный* (см. Печерскій Патерикъ) и прочія духовныя особы содѣйствовали равнымъ образомъ къ ознакомленію народа съ лечебными средствами. До двѣнадцатаго вѣка въ Россіи не обращали особеннаго вниманія на пользу Врачебнаго Искусства, и уже въ 1128 году, по случаю голода и сильнаго мора, Правительство въ первый разъ приняло прочныя мѣры противъ болѣзней, и учредило въ Новгородѣ Врачебную Управу. Нашествіе Монголовъ въ XIII столѣтіи, угрожавшее Россіи двумя вѣками бѣдствій, остановило наконецъ усовершенствованіе Врачебнаго Искусства по день

разсудкамъ своего времени, что приписывали болѣзни кознямъ дьявола, и весьма порицали врачей, опыскивавшихъ естественныя ихъ причины.

изгнанія ихъ. Въ царствованіе Іоанна Васильевича *Великаго*, когда вновь разцвѣли Искусства и Науки, прибыли въ 1485 и 1490 изъ Германіи въ Россію два врача, *Антонъ* и *Леонъ*. Но шестнадцатое столѣтіе болѣе благопріятствовало Искусству врачеванія въ ошечествѣ нашемъ. Врачи, истинно ученые и опытные, будучи приглашены ко Двору Великими Князьями, распространили оное по всемъ удѣламъ, и доставили сему Искусству нѣкоторую довѣренность въ народѣ. Съ 1550 года начали учреждать въ Россіи больницы. Въ 1581, Англійская Королева Елисавета прислала къ Царю Іоанну Васильевичу *Грозному* Доктора Роберта *Якоба*, одного изъ придворныхъ своихъ Медиковъ. Въ свистъ Якоба находились аптекарь и фельдшеры. Въ семъ же году учреждена въ Москвѣ придворная Аптека. При Царѣ Теодорѣ Іоанновичѣ, въ 1588, переведенъ съ Польскаго языка на Русскій первый Лечебникъ въ рукописи. Между штемъ Искусство врачеванія мало по малу сдѣлалось, шакъ сказать, пошребностію народа; легковѣріе къ *знахарямъ*, *шептунамъ* и *шептуньямъ*, кои, по тогдашнему образу мыслей, почитались способными пользоваться недуги *заговорами*, начало ослабѣвать, и Врачи пріобрѣли извѣстность. Народъ называлъ врачей *заморскими колдунами*, и оказывалъ имъ уваженіе. Королева Елисавета весьма хорошо постигла сію пошребность Россіянъ, и чтобы извлечь изъ оной

Англія имѣла дурную славу земли, опѣнно любимой колдуньями, и чрезвычайно прошивилась преподаванію Анапоміи. Даже и теперь предразсудки народа въ

сугубую для себя пользу, назначала въ Россію Медиковъ, кои съ знаніемъ Медицины соединяли глубокія свѣдѣнія по части Дипломатіи. Она прислала въ 1594 году другаго Доктора, *Марка Ридлея*, для Царя Теодора, а въ 1599 Доктора *Тимофея Виллеса*, для воцарившагося въ то время Царя Бориса Годунова, который однако оширавилъ немедленно Виллеса обратпо, по видамъ политическимъ. Около 1620, Царь Михаилъ Теодоровичъ учредилъ въ Москвѣ первое Медицинское Верховное Судилище, подъ названіемъ *Аптекарскаго Приказа*. „Пошза учрежденія сего Аптекарскаго Приказа, говоритъ нашъ Рихтеръ (1), оправдалась двумя печши спольштіями. Уваженіе къ оному продолжалось подъ правленіемъ различныхъ Царей и Императоровъ. Мѣсто, сіе при малыхъ перемѣнахъ, получивъ шолько новое названіе, существоешъ и до сихъ поръ. Въ послѣдствіи времени оно называлось Аптекарскою Палатою, Аптекарскою Канцеляріею, съ 1725 Медицинскою Канцеляріею, пошомъ 1763 Медицинскою Коллегіею, и нынѣ существоешъ оно подъ именемъ Главнаго Медицинскаго Правленія.“ Доспопримѣчательная шорговля *ревенемъ*, вывозимымъ изъ Кипайской провинціи *Ганису*, воз-

(1) *Вильгельмъ Рихтеръ* Сочинилъ *Исторіи Медицины*, Дѣйств. Спаш. Сов. Медицины Профессоръ, Президентъ Физико-Медицинскаго Общества и Почетный Членъ различныхъ ученыхъ Обществъ. Онъ умеръ назадъ шому четыре года.

семь отношеніи весьма буйны и глубоки. Степень таковыхъ предразсудковъ можетъ бытъ опредѣлена сильнымъ отвращеніемъ жиелей ея къ шѣмъ, кои подря-

никала при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, на каковой конецъ и учреждена была въ Кяхтѣ ошъ Россійскаго Правительствѣ *Ревенна Коммиссія*. Продажа ревеня принадлежала Правительству, и уже въ 1762, Императрица Екатерина II повелѣла: *торговлю сими корнемъ узаконить свободнымъ*. Мудрый Михаилъ назначилъ врачей при арміи, и завелъ полевыя аптеки (1615). Аптекарскіе сады и шравники еще болѣе умножены при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ. Но при всѣхъ сихъ усиліяхъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, Врачебное Искусство въ Россіи коснѣло посреди преградъ, противопоставляемыхъ грубыми нравами и глубокимъ невѣжествомъ. Одно непреодолимое стремленіе Петра Великаго ко всему полезному могло разсѣять подобныя заблужденія. Онъ первый, обнявъ обширнымъ умомъ своимъ всѣ прежніе недосашки, положилъ въ Россіи прочное основаніе врачевнымъ заведеніямъ, распространилъ анатомическія знанія, учредилъ гошпитали и Химическія Училища, основалъ Кунсткамеру, устроилъ Аптеки, и завелъ Аптекарскіе и Ботаническіе сады. До него страшились и думали о томъ, что въ разсѣкати шѣла. Императоръ Петръ, бывъ въ Амстердамѣ, посѣтилъ славнаго Анатомиста Рюйша, и ходилъ слушать лекціи его (*Encyclopedie Méthodique, Pierre le Grand*). Съ шого времени онъ оказывалъ особенную привязанность къ

жаются доставлять шрупы для анатомическихъ кабинетовъ. Въ Англии можно получать шѣла шокмо вырышны изъ земли по судебному приговору, а потому

Анатоміи и Хирургіи. Въ послѣдствіи онъ купилъ у Рюйша превосходный Анатомическій Музей, украшающій и нынѣ С. Петербургскій Натуральный Кабинетъ. Во время пребыванія его въ Парижѣ, Арсеналы, Лицейный дворъ и *Анатомическія Собранія* были первыми предметами Его вниманія. Однажды Онъ пригласилъ къ себѣ лучшаго шамъ Глазнаго Врача, и велѣлъ показати ему опыты искусства своего надъ однимъ слѣпымъ инвалидомъ. Въ 1702 году Императоръ Петръ призвалъ въ Россію славнаго *Николая Бидлоо*, для преподаванія Анатоміи при Московскомъ гошпиталѣ. Онъ издалъ Указъ, чтобы *всѣ тѣла умершихъ отъ апоплексіи, пльнства и другихъ скоропостижныхъ случаевъ доставляемы были въ Академію Наукъ*, и въ 1706 учредилъ Анатомическій Театръ, гдѣ весьма часто самъ присутствовалъ при разсѣченіи шѣлъ. Онъ имѣлъ многія познанія въ Хирургіи и даже практическую къ ней способность. Петръ Великій обыкновенно носилъ съ собою два фушляра: одинъ съ машемашическими инструментами, а другой съ хирургическими. Къ сими послѣднимъ принадлежали два ланцета со шнеперомъ для кровопусканія, анатомическій ножъ, клещи для выдергиванія зубовъ, лопашочка для расширенія плаштыря, ножницы, щупъ для ранъ и кашетеръ. Отъ придворнаго Хирурга *Торжонта*, Онъ приобрѣлъ навыкъ методически разлагати мершвыя шѣла, дѣлать

весьма естественна что занимающіеся сею жалкою промышленностію внушаютъ ужасъ и омерзѣніе; но это не можетъ еще оправдывать грубой и чрезвычайной ра-

хирургическіе прорѣзы, отворявъ жилу, перевязывашъ раны и выдергивашъ зубы. Многія операціи совершены имъ съ большимъ успѣхомъ; такъ напримеръ: онъ сдѣлалъ весьма удачно прорѣзъ на больной ногѣ купца Тамсса. Съ 1700 до 1725, онъ пригласилъ въ Россію слишкомъ пятьдесятъ лучшихъ иностранныхъ врачей и болѣе двадцати искуснѣйшихъ Аптекарей.

Со времени Петра Великаго, Врачебное Искусство въ Россіи шло къ совершенству быстрыми шагами. Императрица Елисавета равнымъ образомъ ревностно старалась о усовершенствованіи и надлежащемъ устройствѣ Медико-Хирургическихъ Училищъ. Указомъ 1746 года она повелѣла, чтобы всѣ пружы скоростижно умершихъ, *отсылали для разсмотрѣнія въ Анатомическій театръ*, учрежденный въ ея время при Медико-Хирургическихъ Училищахъ. Нѣкоторыя Врачебныя Науки начали преподавать публично и опредѣлены были правила, для испытанія поступающихъ въ лекаря. Въ 1754, заведены въ обѣихъ столицахъ повивальныя Училища. По Высочайшему Указу издано и переведено на Россійскій языкъ много хорошихъ Врачебныхъ книгъ, и въ 1755 году основана при Медицинской Канцеляріи Медицинская Библиотека. Въ томъ же году, по повелѣнію Императрицы, предпринято впервые Г. *Шулиномъ*, по примѣру Англичанъ,

доставъ народа при ихъ наказаніи, а шѣмъ менѣе производимое надъ ними самоуправство. Судьи погрѣшали иногда, раздѣляя явно предубѣжденіе народа, и даже откры-

Шведовъ и Дашчанъ, *настоящее прививаніе оспы* въ Россіи. „На всеобщее распространеніе прививанія оной, говоритъ Г. Рихшеръ, послѣдовало при Екатеринѣ II (1768), которая высокимъ примѣромъ надъ священной особою Своею и Наслѣдникомъ Престола (1), открыла первую спезю народу своему къ избѣжанію ошъ смертности заразы сей.“ Царствованіе Императрицы Елисаветы еще болѣе ознаменовано было въ томъ же 1755 году изданіемъ достопамятнаго Указа объ учрежденіи въ древней столицѣ *Московскаго Университета* съ двумя Гимназіями. Открытіе сего святилища Наукъ, обезсмертившаго сію Государыню, послѣдовало 26 Апрѣля. При немъ устроено Больничное Ошдѣленіе, назначенное для разныхъ заведеній по части врачебной. Въ 1756, возобновлено *позволеніе имѣть практику токмо врагамъ, выдержавшимъ экзамень*, и строго запрещено продавать всякія внутреннія лекарства безъ прописанія испытаннаго медика.

Въ правленіе Екатерины Великой всѣ отрасли Врачебнаго Искусства получили новую силу. Она основала въ Петербургѣ, 1763, Медицинскую Кол-

(1) Г. *Дилздалъ*, славный Англійскій оспенный врачъ, былъ призванъ для сего въ Петербургъ, гдѣ онъ оказалъ намъ по сей части великія услуги. Паспортъ *Эйзель*, въ Торнѣ (въ Англии), содѣйствовалъ равнымъ образомъ къ распространенію прививной оспы въ Россіи.

вая ему возможность мстить предметамъ его ненависти. Книгопечатаніе также заслуживаетъ укоризну за соучастіе въ глупостяхъ черни и возбужденіе оспервенѣ-

легію, въ 1783 учредила Медико-Хирургическій Институтъ, а въ 1786 году улучшено учебное положеніе при главныхъ госпиталяхъ, и при каждомъ Университетѣ опредѣлено быть Медицинскому Факультету, коему поставлено въ обязанность снабжать обширную Имперію искусными врачами изъ *природныхъ Россіянъ*. По ея соизволенію, Докторъ *Циммерманъ*, жившій въ Ганноверѣ, доставилъ въ Россію двадцать чешырехъ искуснѣйшихъ медиковъ, кои и опредѣлены по губерніямъ. Императоръ Павелъ I основалъ въ С. Пешербургѣ и Москвѣ споль извѣстными нынѣ Медико-Хирургическія Академія, и положилъ непремѣннымъ правдомъ посылать медицинскихъ воспитанниковъ, для окончательнаго образованія, въ чужіе края на казенный счетъ. До времени Императрицы Екатерины изъ Русскихъ мало было настоящихъ врачей, и извѣстны были только *лекарн и рудометн*, образованные одними опытами; но когда начали посылать Россіянъ для обученія Врачебной Наукѣ въ иностранныя Училища, тогда перестали мы нуждаться въ знающихъ медикахъ, и можно сказать рѣшительно, что младенчество Врачебнаго Искусства прекратилось у насъ при Императорѣ Павлѣ.

Наконецъ мы вступили въ прекрасный вѣкъ Александра *Благословеннаго*. Достоянное царствованіе Его, богашое чрезвычайными происше-

нія тогда, какъ обязанностію его было смягчать оное. Извѣстно, что зимою 1825 года не проходило ни одной недѣли, что-бы не появилось въ Журналахъ какого ни-

свѣтами и мудрыми постановленіями, замѣчательно также переобразованиемъ всей врачебной части въ Россіи. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра всѣ врачебныя заведенія получили кругъ дѣйствія несравненно обширнѣе. Явились медики съ счастливыми способностями и рѣдкою опытностію, и Наука врачеванія достигла до степени высокаго усовершенствованія. Его Сіятельство, Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, первый Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, былъ первымъ исполнителемъ воли Монарха по части врачебной: здѣшняя Медико-Хирургическая Академія была значительно улучшена. Вслѣдъ за тѣмъ умножены были по части сей учебныя пособія, уничтожено *подлекарское званіе*, признанное вреднымъ для Науки Медицинской, и учреждены въ Россіи *скотоврачебныя училища*. Въ 1804 году Высочайше подтверждены Уставы Университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, въ которыхъ положено быть Институтамъ: *Медицинскому Клиническому, Хирургическому Клиническому и Повивальнаго Искусства*. Труды Медико-Хирургическихъ Академій, особенно въ послѣднюю половину царствованія Императора Александра, заслужили вполне благодарность всѣхъ Россіянъ. Анатомія и Хирургія оказали при жизни сего Великаго Государя самыя блистательныя успѣхи, и остались навсегда предметами сладостныхъ вос-

будь о томъ расказа, сполько же непри-
ятнаго, какъ и увеличеннаго. Пожалѣемъ
о чипашеляхъ, коихъ занимающъ подобныя
вѣспи: нельзя не сокрушаться о томъ,
что есть Липерапоры, гошовые удовле-
творяшъ споль испорченному вкусу.

поминаій Его времени. Нынѣ Россіа уже не имѣетъ
недостатка въ искусныхъ врачахъ: многіе изъ нихъ
пріобрѣли извѣстность въ Европѣ, и не уступаютъ
въ знаніи знаменитѣйшимъ Медикамъ просвѣщеннѣй-
шихъ народовъ. Нѣкошорые Операторы и Акушеры
сдѣлали бы великую честь самой Франціи и Англіи:
имъ оказываютъ справедливую дань уваженія въ
Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ.

Къ чести Россійской Академіи Наукъ, мы обя-
заны упомянуть, что она преимущественно содей-
ствовала къ распространенію медицинскихъ познаній
и явила по сей часъ нѣсколько важныхъ услугъ. Высочай-
шее повелѣніе Екатерины Великой (въ 1782), гдѣ
сказано, *чтобы заводить въ типографіи для печатанія
полезныхъ книгъ, не требую ни отъ кого никакого поз-
воленія, а тольк о давѣ знать о такомъ заведеніи
Управъ Благотѣли то. го города, равнымъ образомъ
способствовать ко всему ма быстро къ умноженію вра-
чебныхъ познаній. Хвала Врачебной Наукѣ! Слава
попечительному Правительству, поддерживающему
успѣхи въ наукѣ спешествъ благошворнѣйшаго
Искусства — возвращающаго къ жизни людей съ пущи,
кошорый шруд надъ болѣзнь указываетъ уже имъ къ
могилѣ.*

Прим. Русск. Переводника.

За пятьдесятъ лѣтъ не было ни ма-
лѣйшаго затрудненія доставашъ шрупы
для Анапомическихъ кабинетовъ. Тогда
Медицина и Хирургія воспріяли вдругъ но-
вую жизнь и произвели самыя блистатель-
ныя и быстрыя успѣхи. Ежегодно выходи-
ли изъ новыхъ Училищъ медики съ велики-
ми способностями, свидѣтельствовавши-
ми о превосходствѣ ихъ ученія, и опшвсю-
ду спекались въ училища толпами новые
спуденшы.

(Окончаніе впрѣдѣ).

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О чудесномъ въ Романѣ.

Соч. Вальтера Скотта (*).

Изъ всѣхъ чувствъ, какими Романистъ
можешъ пользоваться, чтобы придашь
интересъ своему вымыслу, ни одно, ка-
жешся, не служишь ему сполько въ поль-
зу, какъ любовь къ чудесному. Это чув-
ство обще всѣмъ людямъ, и даже шѣ, ко-

*(*) Oeuvres complètes de Sir Walter Scott. Paris
1829.*

— „Не гнѣвъ, но гореснѣе шерзаетъ сердце мое,“ ошвѣчала монахъ.

— „Проспи, ошче мой, если я неволь-но тебя огорчила!“ примолвила Царевна, взглянувъ ласково на монаха, у котораго лице пылало. Онъ хотѣлъ что-то сказать, раскрылъ уста, и осшановился. Сильное смущеніе выражалось во всѣхъ его чертахъ. Наконецъ онъ воротился на свое мѣсто, сѣлъ, и помолчавъ немного, сказалъ тихо и спокойно: „Царевна! ты создана не огорчашь, но радовать сердце. Да пребудешь надъ шобою благословеніе Божіе! Должно повиноваться волѣ родителей. Но различные спраны, чрезъ которыя я проходилъ, имѣютъ различные обычаи, и во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ женскій полъ давно уже причисленъ къ человѣческому роду, и признанъ одареннымъ ошпъ Бога волею и разумомъ, какъ полъ мужской. Въ одной шолько Россіи сохраняется варварскій обычай нашихъ древнихъ покорителей, Татаръ, обычай почи-пашь женщину безсловеснымъ существомъ, рабынею въ домѣ родителей и супруга. Въ Англіи царшвовала Королева Елисавета, съ такою же славою, какъ у насъ Іоаннъ. Повсюду сама невѣсна выбираетъ себѣ жениха, и мужъ совѣшуется съ женою, какъ

съ другомъ, а не какъ съ прислужницею. Сердцу и уму дана полная свобода.“...

Вдругъ двери шерема быспро распворились, и карлица Даша, вбѣжавъ опроменью, сказала въ полголоса: „Государь! Государь!“... Марія Даниловна испугалась; Царевна не знала что дѣлать, а монахъ, схвативъ книгу и чешки, побѣжалъ къ противоположнымъ дверямъ; но въ сію самую минушу Царь Борисъ Ѳедоровичъ вошелъ въ комнашу. Монахъ осшановился и поклонился до земли Государю.

(Окончаніе впрелъ.)

II.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО.

О пользѣ мертвыхъ для живыхъ.

(Окончаніе.)

Въ девятнадцатомъ спслѣшій сіи Шопландцы, споль равнодушные и расчешливые, образованные и самые умные изъ всѣхъ народовъ, почли за благо обрашиться къ мнѣніямъ варварскихъ вѣковъ. Ни одно пресшупленіе сполько не разго-

рячишь хладнокровнаго впрочемъ Шотландца, какъ вырышіе изъ земли какого-либо трупца. За годъ предъ симъ, одинъ честный мызникъ, по имени Скопшь, проживающій въ Линлишгоу (Linlithgow), поймалъ бѣдняка, занимавшагося такою работою на кладбищѣ того прихода. Сія услуга показалаь споль важною во всей деревнѣ, что поднесли ему въ подарокъ прекрасную столовую посуду. Зимною въ 1823 году увидѣли, что въ анапомическій кабинетъ Глазговскаго Хирурга везли человѣческое тѣло, и не смотря на дѣйствія полиціи, подкрѣпленныя военною силою, чернь въ неистовствѣ испребила жилище врача и все, что въ немъ было. Нѣсколько прежде, три человѣка посажены были въ Геддингтонскую (Haddington) тюрьму: ихъ изобличали въ кражѣ труповъ съ кладбища сего города. Народъ до того разсвирѣпѣлъ, что хошѣлъ врываться въ тюрьму. Когда повезли ихъ въ Судъ, чернь напала на нихъ, спатила ихъ съ повозокъ и била жестокииъ образомъ. По освобожденіи же она бросилась на нихъ съ большею прошивъ прежняго яростию и едва не лишила ихъ жизни. Въ 1823 году случилось на улицѣ въ Единбургѣ самое предосудительное происшествіе. Два че-

ловѣка везли пуспой гробъ черезъ Южннй мостъ; народъ, полагая, что въ семь гробъ хошяшь перевезши съ кладбища вырышое тѣло, остановилъ оный. Полицейскіе чиновники съ великимъ трудомъ едва успѣли защитишь нѣхъ людей отъ нападеній черни. Что же касается до повозки, то, опложивъ лошадей, паскали ее нѣсколько времени по улицамъ и изломали въ дребезги, бросивъ ее съ крушизны верхняго города. Народъ потомъ собралъ ея обломки, зажегъ ихъ и, подобно дикимъ Робинзона Круза, плясалъ вокругъ, пока они сгорѣли. Открылось, что повозка сія была нанята для того, чтообъ перевезши домой тѣло Доктора, умершаго упромъ въ одномъ загородномъ домѣ.

Чернь Единбургская изъвила намѣреніе совершенно прекратишь преподаваніе Анапоміи, и ежели не примутъ шамъ надлежащихъ мѣръ, то полагають можно, что шаковыя угрозы исполняшся. Число обучающихся Медицинѣ въ семь городѣ проспирается, въ каждое полугодіе, до семи сотъ человѣкъ. Запрудненіе доспавашъ трупы нынѣ споль велико, что изъ семисотъ студеновъ едва ли двѣспи имѣють случай разлагать тѣла, отъ чего многіе рѣшились оснавишь Единбургъ, и продол-

жать курсъ своего ученія въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ Единбургское Врачебное Училище поддерживается шолько прежнею своею славою, нежели тамошніе обычаи не перемѣняшся, то оно, конечно, весьма скоро пошеряетъ всю свою важность.

Г. Лизерсъ (Lizars), преподающій Анатомію и Физиологію въ семъ городѣ, недавно издалъ превосходные анатомическіе рисунки. „Я предпринялъ трудъ сей, говоришь онъ, для того, чтобы вознаградишь подражаніемъ, сколько позволяешь искусству, недостапнокъ въ мертвыхъ тѣлахъ. Судебныя преслѣдованія людей, доставляющихъ трупы для анатомическихъ кабинетовъ, нынѣ такъ строги, что ежели сіе хотя нѣсколько продолжится, то изученіе Анатоміи сдѣлается невозможнымъ въ Шотландіи. Кто бы тому повѣрилъ! Я долженъ былъ почти на пять мѣсяцевъ прерывашъ работу мою, единственно по неимѣнію трупа для продолженія оной. Можно подумашъ, что мы живемъ не въ просвѣщенномъ вѣкѣ, но возвратились въ грубыя и суевѣрныя времена нашей древней Испоріи. Подспрекаютъ негодованіе черни даже прошивъ тѣхъ, кои, по званію своему, должны объясняшь строеніе человѣческа-

го тѣла и показывашъ дѣйствія различныхъ его членовъ.“ Издатели ежедневныхъ Журналовъ, по склонности своей угождашь народному вкусу къ буйнымъ поступкамъ, способствуютъ поддержанію предразсудковъ толпы; а другія особы, впрочемъ довольно просвѣщенныя, мнѣніемъ своимъ, что разрушеніе мертвыхъ тѣлъ должно совершашся въ мирѣ, также препятствовали успѣхамъ искусства, имѣющаго цѣлю облегчашъ спраданія живыхъ. Но болѣе всего утвердили народное предубѣжденіе судейскіе приговоры, подвергая доставляющихъ трупы въ анатомическіе кабинеты такому наказанію, какое определено токмо за важнѣйшія преступленія.

Мы были лучшаго мнѣнія объ Америкѣ. И пошому не въ силахъ выразишь нашего удивленія и негодованія, при извѣстіи, что Нью-Йоркское Правительствво объявило выкапываніе труповъ величайшимъ преступленіемъ, не упомянувъ однако, какимъ образомъ хирургическіе кабинеты могутъ снабжашъ себя оными. Ежели спашья сія попадешъ въ руки кому нибудь изъ нашей собратіи въ Соединенныхъ Штатахъ, просимъ его прочеспъ со вниманіемъ первую ея половину, и размыслишь о вредѣ, кошорый причинили

Члены Нью-Йоркского Законодательного Сословія себѣ и другимъ, изданіемъ такого постановленія. Опшныя молодые Хирурги ихъ должны будущь дѣлать опыты свои надъ живыми, вмѣсто того, чѣмбы производилъ оныя надъ бездушными трупами, и гораздо чаще спануть наносить смертельные удары шѣмъ, коимъ предпримуть они спасти жизнь.

Мы ужѣ замѣтили, что Англійское законодательство въ семъ отношеніи не разсудительнѣе Шотландскаго и Соединенныхъ Штатовъ. Намъ извѣстно, что въ теченіе прошлаго года четырнадцать челоуѣкъ были осуждены на уплату пени и на заключеніе, болѣе или менѣе продолжительное, за доставку труповъ во Врачебныя Училища. Препятствіе сіе столь велико, что принуждены выписывать трупы съ береговъ Франціи. Но какъ шѣль получаемыхъ сими средствами бываеиъ мало, то и должны всѣ прибѣгать вообще къ раскапыванію могилъ. Доколь законы не дадутъ хирургамъ другихъ способовъ доставать трупы, но какова бы ни была строгость начальства, Судей и Присяжныхъ, и жестокость народныхъ предразсудковъ, все однако невозможно будетъ остановить вырваніе шѣль. Что

же изъ того послѣдуетъ? Составится общество людей, привыкшихъ считать забавою нарушеніе законовъ. Сіи люди по прежнему спануть собираются при ночной темнотѣ, будущь производилъ свои грабительства, полико ужасныя, и къ коимъ навыкъ ожесточилъ поспешенно разумъ и погасилъ въ сердцѣ послѣднюю искру челоуѣколюбія. Болѣе всего достойно сожалѣнія, что люди съ истинными дарованіями и занимающіе почетное званіе въ обществѣ, должны, охотно или вопреки воли, имѣть связь съ сими негодями, и деньгами подстрекають ихъ къ хищничеству на кладбищахъ.

Сверхъ того, вырваніе шѣль не можетъ доставлять потребнаго числа труповъ для хирургическихъ заведеній. Лишняя возможность получаютъ ихъ симъ способомъ по мѣрѣ надобности; они часто нуждаются въ томъ по цѣлымъ мѣсяцамъ; для Науки же было бы очень полезно пріобрѣтать ихъ всегда и за дешевую плату. Число молодыхъ людей, ежегодно пріѣзжающихъ въ Лондонъ для изученія Медицины или Хирургіи, можно полагать до тысячи. Издержки ихъ, по самой необходимости, значительны во время пребыванія въ столицѣ; а какъ не много бы-

ваешь между ними людей досташочныхъ, то рѣдкіе изъ нихъ оспаются въ Лондонѣ болѣе мѣсяца сверхъ учебнаго срока Хирургической Академіи. Между тѣмъ, въ сіе шокмо крапкое время они могутъ приобрести практическія свѣдѣнія по своей должности. И ежели они провели сіи драгоценные дни бесполезно, или не имѣли средствъ употребить ихъ надлежащимъ образомъ, то останутся невѣждами на цѣлую жизнь. Выѣхавъ изъ Лондона, они уже нигдѣ болѣе не найдутъ случая разсѣкать шѣла; а съ нашей стороны доказано, что симъ шолько способомъ могли бы они получить основательное познаніе въ своемъ Искусствѣ. Мы объяснили также, что бываютъ очень важныя припадки, въ которыхъ должно, не теряя ни минушы, дѣлать операціи весьма трудныя, иначе больной умираетъ. Предположимъ, что въ такомъ случаѣ призовушь деревенскаго хирурга, а большая часть означенныхъ молодыхъ людей размѣщаются по деревнямъ: въ какомъ ужасномъ положеніи будешь сей юноша, который, можешь быть, и знаешь, что должно дѣлать, но чувствуешь также, что рука его не довольно опытна для такой операціи; съ другой стороны время не

позволяетъ ему искашь подкрѣпленія. Но возьмемъ прошивное, и предположимъ, что призванный хирургъ будешь несвѣдущъ подобно первому, однако менѣ робокъ, и что онъ съ преступною дерзостію рѣшился на операцію, требующую особеннаго искусства. Какъ часто сей несчастный, желая вырѣзать грыжу, уязвляетъ кишку, или принимаетъ опухоль за аневризму. И тогда, ежели видимъ мать, жену, сестру, дитя, или кого нибудь изъ любезныхъ намъ особъ, погибающихъ подъ его рукою, то сколь велико будешь наше негодованіе противъ нещпаго законодательства (*), бывшаго виною, что большая часть хирурговъ суть на дѣлѣ шокмо привилегированные убійцы.

Изученіе Анастоміи есть занятіе трудное и непріятное. Разсѣченіе шѣла въ особенности отвращительно по многимъ отношеніямъ; оно бываетъ иногда соединено даже съ опасностію жизни, и почти не проходитъ ни одной зимы, чтобы нѣсколько студентовъ не сдѣлались его жертвою. Люди разсудительные и имѣющіе филосо-

(*) Здѣсь Сочинитель говоритъ собственно о законодательствѣ своего отечества — Англіи.

фическій образъ мыслей, безъ сомнѣнія, скоро примиряются съ Анапомією, и она наконецъ вполне награждаетъ ихъ за опшращеніе, возбуждаемое сначала. Но не шо бываетъ съ умами слабыми: одна покмо необходимостъ заставляешъ ихъ преодолевать шруды въ анапомическихъ залахъ, и шѣ непріятныя впечатлѣнія, кои производяшъ они на ихъ чувствва. И шакъ, вмѣсто того, чтобы ихъ опшращашъ, когда имѣюшъ они желаніе разсѣкашъ шѣла, должно, напрошивъ, для пользы обществва, возбуждашъ въ нихъ сію охоту всѣми возможными средстввами.

Франція показала въ семъ опшощеніи болѣе Философіи, нежели Англія. Тамъ анапомическіе шеашры, при содѣйстввіи Правительствва, достапно снабжены шруцами. Вошъ, что пишушъ о шомъ изъ Парижа: „Медицинскій Факультетъ имѣешъ право брашъ изъ всѣхъ обществвенныхъ больницъ, шюремъ и богадѣльнъ пошребное число мертвыхъ шѣлъ для преподаванія Анапоміи. Сіе право было предославлено ему опш Национальнаго Конвента, и послѣ Префекта Полиціи и Комитетъ призрѣнія больныхъ ни сколько шому не препятствоввали. Ежедневно Медицинскій Факультетъ опшправляетъ въ

Парижскія больницы шельгу, на кошорой и привозяшъ шуда всѣ шѣла, какія нужны. Число шруповъ просшираешся иногда до 2,000 въ годъ, за исключеніемъ разсѣкаемыхъ въ больницъ милосердія. Но съ шѣхъ поръ, какъ обрашили особенное вниманіе на *Патологическую Анатомию* (*), начали скрывать множествво шѣлъ въ больницахъ обществвенныхъ и военныхъ, а пошому Медицинскій Факультетъ можетъ получашъ ихъ не болѣе 1000 или 1200. Цѣна шѣламъ перемѣняешся опш 5 до 10 франковъ. По разсѣченіи, обершываюшъ оныя въ положно и опшвозяшъ на ближайшее кладбище. Вырываніе шруповъ вовсе уничтожено и допускаешся покмо по приговору присущственныхъ мѣстъ, для судебного изслѣдованія. „Хошя во Франціи народъ шакъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, имѣешъ опшращеніе къ шрупоразытію, однако не сопрошвивляешся оному, видя соблюдаемое приличіе и предосторожности прошивъ заразы въ воздухъ. Очень рѣдко бываетъ, чтобы родстввенники умершаго опшказывали вскрышъ шѣло, когда врачъ находилъ шо нужнымъ. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ обучающіеся Медицишъ во Франціи умѣюшъ

(*) Наука о познаніи и разлчченіи болѣзней.

разскашь шѣла, и если бы какой хирургъ или медикъ не зналъ Анапоміи, то его сочли бы шамъ за совершеннаго невѣжду.

Многіе прошивъ сего возражають, что шѣла бѣдныхъ суть народная собственность. Но уже ли несправедливо, чтобы бранные остатки людей, коихъ обществу прирѣло и пишало, обращаемы были въ его пользу! Впрочемъ главное дѣло въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ, не лучше ли учиться хирургамъ надъ мертвыми, нежели надъ живыми. Безъ сомнѣнія всякій богачъ, имѣя надобность въ операціи, избираетъ хирурга, за искусство котораго ручающа ему прежніе его успѣхи; но бѣдные люди не въ состояніи того сдѣлать, а потому пользующіе ихъ практики или должны были научиться своему искусству, разскавъ мертвыя шѣла, или станушь пріобрѣтать опыты надъ бѣдными же, изувѣчивая ихъ, а всего чаще нанося имъ смертельные удары. Больницы превращаясь тогда въ школы, гдѣ хирурги будутъ учиться надъ сими несчастными, заставляя ихъ претерпѣвать жесочайшія мученія для того, чтобы послѣ того счастливо дѣлать операціи богатымъ.

Таковы всегда будутъ послѣдствія сей ложной *Филантропіи*, которая причиняетъ

стокрапъ болѣе зла, нежели предупреждаетъ оное. Не разъ имѣли мы случай замѣтить, что не довольно одного добраго намѣренія, дабы бышь полезнымъ обществу: надобно имѣть также умъ и свѣдѣнія. Къ счастью, мы достигли той эпохи, когда все зданіе древнихъ предрасудковъ пошрясено: еще нѣсколько лѣтъ, и оно разрушится до основанія. Приспѣло время для Англійскихъ врачей и хирурговъ возражать противъ системы, причинившей столько вреда спиранъ и усовершенствованію ихъ Искусства. Мы увѣрены, что нынѣ найдется столько здраваго смысла во всѣхъ сословіяхъ и въ обѣихъ Законодательныхъ Палатахъ, чтобы понять ихъ просьбы, и что онѣ скоро увѣнчаются счастливѣйшимъ успѣхомъ, ежели будутъ представлены съ умѣренностію и терпѣніемъ (*).

(*) *Прим. Франц. Переводка.* Переводчикъ сей превосходной статьи, взятой изъ *Revue de Westminster*, хотя по званію своему и не обучался Врачебной Наукѣ, однако могъ бы употребить болѣе техническихъ словъ. Но онъ думалъ, что сія не трудная ученость только зашла бы сташью его, и славовашельно сдѣлала бы ее менѣе полезною. Наи-